

УРАЛ И СИБИРЬ: ТЫЛОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЕННЫХ УСЛОВИЯХ

О. С. Поршнева

Общественные настроения в уральских губерниях в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 г.)

Вступление России в Первую мировую войну вызвало на Урале патриотический подъем, в который оказались вовлечены все социальные слои и группы населения: духовенство, интеллигенция, служащие, торгово-предпринимательские круги, крестьянство, рабочие. Массовые патриотические манифестации прошли в городах и ряде промышленных поселков, в сельской местности преобладали молебны о даровании победы над врагом. Повсеместно происходил сбор пожертвований на нужды войны и семей призванных воинов. Так, в Оренбурге патриотическое оживление и приподнятое настроение, как свидетельствовала газета «Оренбургская жизнь», царило с середины дня 17 июля, когда в городе стал распространяться слух об объявлении мобилизации, а спустя несколько дней, 22, а затем 24 июля, состоялись грандиозные патриотические манифестации¹. 17 июля в Екатеринбурге стихийно возникла патриотическая манифестация, в которой приняло участие свыше тысячи человек, а на следующий день на улицах города вновь появились манифестанты с национальными флагами, пением патриотических гимнов, криками «Да здравствует Россия и Сербия!», «Да здравствует Англия и Франция!», «Долой Австрию!», «Долой Германию!», причем к 11 часам вечера в городе ходили уже две манифестации². 20 июля в Перми состоялась многотысячная патриотическая манифестация, продолжавшаяся до глубокой ночи³. 20 июля в Вятке, несмотря на сильный дождь, на молебен и крестный ход собралось много народа. «Все собравшиеся пели “Спаси, Господи!”», многие плакали», отмечалось в газете «Северное слово». Вечером по инициативе студентов состоялась патриотическая манифестация. «Такого воодушевления публика Вятки не видела давно», – писал корреспондент газеты⁴. 22 июля в Вятке повторилась патриотическая манифестация в еще большем масштабе⁵. Патриотические шествия и манифестации прошли также в Уфе, Верхотурье, Невьянске, Шадринске, Ирбите, Ижевске, Глазове, Слободском, Орлове, других городах и населенных пунктах Урала.

Преобладание патриотических настроений в период мобилизации было зафиксировано в отчетах и телеграммах уральских губернаторов в Министерство внутренних дел. В телеграмме уфимского губернатора в МВД от 2 августа 1914 г.

---

¹ Оренбургская жизнь, 1914, 19, 24 июля

² Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 65 Оп. 1 Д. 1416. Л. 1; Зауральский край, 19, 20 июля.

³ Зауральский край. 1914. 25 июля.

⁴ Северное слово. 1914. 21 июля.

⁵ Там же. 1914. 26 июля.

отмечалось: «Эта война намного популярнее войны с Японией, вызвала патриотический подъем, в котором растворились и исчезли не только революционные идеи, но даже партийные настроения; однако беспорядки все-таки имеются...»⁶ Оренбургский губернатор сообщал директору Департамента полиции в телеграмме от 4 августа 1914 г., что мобилизация запасных по всей губернии прошла в большом порядке и при значительном патриотическом подъеме; особенно охотно собирались казаки, недоборов не было, а всюду замечен излишек... преступность упала до нуля, пьяных нигде не было»⁷. Пермский губернатор в отчете в МВД об итогах мобилизации от 27 июля 1914 г. сообщал: «С объявлением войны среди населения замечен большой подъем патриотизма, но это ничуть не значит, что рабочие массы сразу переродились, и что в случае каких-либо неудач на театре военных действий они снова не будут реагировать на это открытыми выступлениями в виде забастовок или каких-либо беспорядков»⁸.

Действительно, мобилизация сопровождалась волнениями запасных нижних чинов из рабочих и крестьян, получивших значительный размах. Произошло 50 выступлений в Пермской, Уфимской, Вятской губерниях, из них абсолютное большинство – 43 – в Пермской губернии. Причинами волнений стали: закрытие казенных винных лавок, инерция забастовочной борьбы предшествующего периода, проведение мобилизации в разгар полевых работ (не только крестьяне, но и рабочие на Урале имели земельные наделы). Определенную роль в возникновении столкновений на заводах сыграли общая неудовлетворенность рабочих условиями своей жизни, социальная напряженность в отношениях с заводской и местной администрацией, озлобленность части рабочих против «начальства» и властей. Успокоение в целом ряде случаев наступало после выдачи пособий семьям призванных для найма работников на период страды или обещания властей организовать уборку за счет средств земств. Поводами для недовольства мобилизованных служили также плохая укомплектованность сборных пунктов, низкое качество пищи, а среди татаро-башкирского населения – необходимость питания из общего котла во время мусульманского поста.

В июле–августе 1914 г. во всех четырех губерниях Урала прошли экстренные губернские и уездные земские собрания и чрезвычайные заседания Городских дум и волостных сходов, на которых была не только сформулирована патриотическая позиция местных органов самоуправления в связи с началом войны, но и решен вопрос об изыскании средств из местных бюджетов на оказание помощи семьям призванных в армию воинов. Большое значение в поддержании крестьянских хозяйств, лишившихся работников, имело выделение земствами средств на проведение сельскохозяйственных работ, наем работников в хозяйства ушедших на фронт.

В обстановке патриотического подъема в начале войны возник целый ряд общественных организаций, призванных помогать правительству, армии и населению в военных условиях. В августе 1914 г. на Урале стали создаваться комитеты

⁶ ГАРФ. Ф. 102. 4-е Делопроизводство. Оп. 123. 1914 г. Д. 138. Ч. 81. Л. 13.

⁷ Там же. Ч. 4. Л. 1-2.

⁸ Там же. Д. 50. Ч. 2. Л. 93.

Всероссийского Земского союза и Всероссийского союза городов. Как и другие общественные организации, они стали центрами общественной самодеятельности, средоточием гражданской инициативы. Под их руководством на местах действовали многочисленные добровольные общественные объединения: Комитеты служащих земств, Попечительские комитеты при лазаретах, Дамские кружки и др. Основными направлениями деятельности общественных организаций уральского региона в годы войны стали помощь семьям запасных, организация лазаретов и устройство беженцев. Высокая благотворительная активность и плодотворная деятельность общественных организаций проявлялись во всех губерниях, городах и уездах Урала. Пожертвования на войну различных общественных организаций и частных лиц приобрели массовый характер, по инициативе обществ Красного креста, Великой княгини Елизаветы Федоровны, великой княжны Татьяны Николаевны и других проводились различные благотворительные акции: лотореи-«аллегри», спектакли, Дни союзных флагов, кружечные сборы, средства от которых поступали в пользу семей призванных и раненым воинам. На пожертвования создавались общественные лазареты, столовые, ясли-приюты, детские площадки, солдатам выплачивался дополнительный к казенному паек. Действенный патриотизм проявляли и крестьяне, жертвуя на нужды войны хлеб из хлебозапасных магазинов.

Отношение к войне уральцев, призванных в действующую армию, можно охарактеризовать по содержанию их писем на родину. За вторую половину 1914 г., по сообщениям военных цензоров, общий тон писем солдат-уральцев с фронта спокойный, проникнутый сознанием своего долга перед Родиной⁹. Корреспондент газеты «Вятская речь», просмотревший около 300 писем простых солдат-крестьян Вятской губернии, в январе 1915 г. писал: «Общий тон писем бодрый... во всех письмах сознание собственного долга перед Отечеством, покорность воле провидения». «На все воля Божья», «Дело в руках Божьих, все закрыто, один Бог знает», таковы типичные рассуждения солдат-вятичей с фронта в этот период войны¹⁰. В этих формулировках отчетливо отражалась крестьянская специфика восприятия войны как ниспосланного Богом испытания, стихийного бедствия, с которым невозможно бороться.

Характеризуя патриотизм простых людей, газета «Уральская жизнь» писала в августе 1914 г.: «Народ не нуждается в ободрении, ему не надо объяснять, что такое напавший на нас враг-германец»¹¹. Несколько месяцев спустя в другой публикации этой газеты был поставлен, однако, вопрос о недостаточности стихийного патриотизма масс для победы над врагом: «Народные массы чувствуют правоту союзников, но больше инстинктом». Автор говорил о необходимости «нести в народ понимание происходящего, истинных причин войны и ее значения...

⁹ РГВИА. Ф. 1720. Оп. 11. Д. 2. Л. 146, 148, 230, 262, 296, 333, 334.

¹⁰ Вятская речь. 1915. 28 января.

¹¹ Уральская жизнь, 1914. 28 августа.

путем организации популярных лекций в городе и деревне, рассылки брошюр о значении германского милитаризма и причинах войны»¹².

Патриотический порыв захватил подростков: с первых дней войны в уральских газетах регулярно появлялись сообщения об исчезновении и поиске подростков, сбежавших на фронт, среди которых преобладали дети служащих, крестьян и полицейских. Среди них были и молодые девушки. Так, 4 февраля 1916 г., в день взятия турецкой крепости Эрзерум, воинский патруль задержал на екатеринбургской улице двух подозрительных молодых солдат, оказавшихся воспитанницами Ялutorовской женской учительской семинарии 17 и 18 лет, пробиравшимися в действующую армию. 1 мая 1916 г. скрылся из Екатеринбурга уже в четвертый раз убежавший на войну 13-летний юный доброволец М. К. Битный-Шляхто¹³.

Критические, пацифистские настроения, неприятие официальной пропаганды проявлялись главным образом в среде интеллигенции, членов радикально-революционных групп, а также, в немногочисленных случаях, – среди рабочих и крестьян. Как и по стране в целом, в рядах уральской революционной демократии произошел раскол на правых социалистов – патриотов, сторонников войны до победного конца, оборонцев, признающих необходимость обороны Отечества, исходя из войны как факта, и революционеров-интернационалистов, выступавших за гражданскую войну с правительством, против лозунга обороны. Первое течение стояло на идейной платформе, сформулированной Лондонской конференцией социалистов стран Антанты в феврале 1915 г., провозгласившей борьбу с милитаристской Германией священным делом демократии всех стран¹⁴. Для вовлеченных в социалистическое движение русских рабочих идея борьбы «европейской демократии» с «реакционной» Германией имела большое значение, являясь обоснованием патриотических усилий, поддержки идеи национального единения во имя обороны от внешнего врага. На страницах уральских периодических изданий летом-осенью 1914 г. широко пропагандировались взгляды Г. В. Плеханова по вопросам войны и мира, в частности, его открытое «Письмо-разъяснение», перепечатанное из газеты «Речь». Заявляя о принципиальном неприятии любой войны, Г.В. Плеханов подчеркивал, что интересы прогресса на стороне Антанты и виновник развязывания кровавой бойни должен быть наказан¹⁵.

Антивоенную позицию заняли представители лево-радикального крыла социал-демократических и эсеровских организаций Урала, пропагандируя ее в нелегальных изданиях, прежде всего прокламациях и листовках. Однако прямо и последовательно, даже в нелегальной форме, пропагандировать антивоенные идеи ни в 1914, ни в 1915 г. революционеры не могли. По признанию большевика Н. П. Брюханова, одного из авторов прокламации «Правда о войне», она не полу-

¹² Уральская жизнь. 1914. 19 декабря.

¹³ Кручинин А. М. Екатеринбург во время Великой войны 1914–1818 гг. // Веси. 2014. № 2. С. 14.

¹⁴ Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. М., 1990. С. 241–242.

¹⁵ Письмо-разъяснение Г. В. Плеханова // Памятники агитационной литературы РСДРП. М.; Пгр., 1923. Т. VI. (1914–1917). Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. С. 28–29.

чила широкого распространения, это была лишь попытка Уфимской группы социал-демократов сформулировать свою антивоенную позицию¹⁶. Более того, антивоенные листовки в обстановке патриотического подъема начала войны вызывали реакцию активного неприятия даже в рабочей среде, в наибольшей степени подверженной социалистической пропаганде¹⁷.

Отсутствие антивоенных настроений среди рабочих в начале войны фиксируют в своих воспоминаниях уральские большевики. Вот лишь некоторые свидетельства: Банин (Оренбург): «В 1914 г., во время объявления империалистической войны, рабочий класс Урала, увлеченный национально-патриотическими лозунгами, никакого выступления против войны не предпринимал»¹⁸. Токарев, Царегородцев (Вятка): «После объявления войны в Вятской губернии, как и по всей России, произошел взрыв патриотизма. В 1915 г. патриотический “угар” не рассеялся»¹⁹. Н. П. Брюханов (Уфа): «Развитие широкого движения против войны было связано с ее последними периодами, больше всего с 1916 годом»²⁰.

На Урале, как и по всей стране, в начале войны отмечался религиозный подъем, широкое распространение получила религиозная трактовка событий. Ее транслировали духовенство, неославянофилы, взгляды теоретиков которого: Е. Трубецкого, С. Булгакова и др. пропагандировались в прессе, популярных брошюрах, лекциях. Часть образованного городского населения разделяли идеи неославянофильства и панславизма, «священной борьбы» двух «противоположных духовных начал»: славянства и германизма, в которой первое олицетворяет «культуру и божественную правду», второе – «грубую силу бронированного кулака». Наибольшее распространение подобные взгляды получили в Оренбургской губернии²¹.

В 1914–1915 гг. в стране и на Урале распространилось представление о необходимости ликвидации «немецкого засилья», возникшее еще накануне войны, проявлялись националистические настроения. В сводке Департамента полиции о настроениях населения Вятской губернии за май 1915 г. указывалось, что «на фабриках и заводах Вятской губернии отмечается неприязненное отношение к лицам, носящим немецкие фамилии», а «в Вятке существует настроение против оставления на государственной службе лиц немецкого происхождения»²². В аналогичном обзоре Уфимской губернии отмечалось: «22 мая 1915 г. рабочие снарядного цеха Златоустовского завода выступили против служащих немецкого происхождения Э. Э. Линда и К. Х. Тринкмана, которые, якобы, умышленно не хотят

¹⁶ Центральный государственный архив общественных организаций Республики Башкортостан (Далее – ЦГАООРБ). Ф. 1832. Оп. 3 Д. 128. Л. 8.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. 4-е Делопроизводство. Оп. 123. 1914 г. Д. 138. Ч. 47. Л. 3.

¹⁸ Пролетарская революция в Оренбурге 1917 г.: к 10-летию Октябрьской революции. Воспоминания участников на вечерах Истпарта. вып. I. Изд. Истпартотдела Губкома ВКП(б), 1927. С. 8.

¹⁹ Центр документации новейшей истории Кировской области (далее – ЦДНИКО). Ф. 45. Оп. 1 Д. 88 Л. 8, 9.

²⁰ ЦГАООРБ. Ф. 1832. Оп. 3 Д. 128. Л. 8

²¹ Оренбургская газета. 1914. 20 июля, 13, 24 сентября, 14 октября.

²² ГАРФ. Ф. 102 ДП. 4-е Делопроизводство. Оп. 124. 1915 г. Д. 108. Ч. 15. Л. 7.

увеличивать заработную плату»²³. Корреспондент газеты «Вятская речь» в статье «В вятской деревне» сообщал, что крестьяне в разговорах называют немцев дьяволом, разрушающим храмы, ругающимся над святыми»²⁴. Данное отношение было отражением традиционного, распространенного в русской крестьянской культуре, стереотипа восприятия внешнего врага как «нехристя» и «антихриста», а, с другой стороны, утверждалось под влиянием официальной антинемецкой пропаганды и реальных событий войны, например, разрушения немцами знаменитого Реймского собора во Франции, о чем сообщалось в газетах.

Антигерманские настроения уральцев обусловили стремление к «упразднению всего немецкого», возникли многочисленные предложения по переименованию г. Екатеринбурга, содержащего в названии немецкую частицу «бург». В обсуждении этого вопроса приняли участие представители научных организаций, общественности. Так, создатель и руководитель Уральского общества любителей естествознания О. Е. Клер предлагал переименовать Екатеринбург в Екатеринополь. Пермская ученая архивная комиссия, считая возможным переименовать город, предлагала новые названия, «приличествующие русскому городу»: Екатеринозаводск, Екатериноисетск, Екатериноугорск, Екатериноурал, Екатеринокаменск, Екатериногор, Екатеринобор. Однако Екатеринбургская Городская дума большинством голосов выступила за сохранение старого названия²⁵. Вопрос о переименовании Оренбурга также рассматривался местной городской думой. Заседание гласных, посвященное этому предмету, происходило 14 апреля 1915 г. Вариантов нового названия города было предложено немало: Ориенград, Ориендар, Яицк, Приуральск, Орельград, Славяно-Георгиевск, Ново-Георгиевск, Самаро-Уральск, Неплюевск и другие. Однако большинство гласных сумели отстоять историческое название города²⁶.

Постепенно, с лета 1915 г., слухи о подкупках должностных лиц немцами, немецких шпионах, предательстве постепенно становились одним из стереотипов массового сознания, отражая складывание представления о «внутреннем немце», пособнике внешнего врага²⁷. В то же время в регионе, где проживали многочисленные нерусские народности, отсутствовал массовый агрессивный шовинизм по отношению к представителям воюющих с Россией государств, их подданным, проживающим на территории края. Против проявлений национализма и шовинизма активно выступала уральская пресса²⁸.

Трагедия «великого отступления русской армии» весны–лета 1915 г., сопровождавшегося тяжелыми потерями, эхом отозвалась в стране, дав импульс разви-

²³ ГАРФ. Ф. 102 ДП. 4-е Делопроизводство. Оп. 124. 1915 г. Д. 81. Ч. 2 Л. 6.

²⁴ Вятская речь. 1915. 16 января.

²⁵ Казакова-Алкаримова Е. Ю. Гражданские инициативы городского населения Урала в начальный период Первой мировой войны // Известия Уральского государственного экономического университета. 2014. № 1 (51). С. 95–96.

²⁶ Она же. Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны // Известия УрГУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 125.

²⁷ Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО) Ф. 714. Оп. 1. Д. 1596. Л. 29; Оренбургское слово. 1915. 22 августа.

²⁸ Пермские ведомости. 1914. 28 июля; Оренбургская жизнь. 1915. 27 мая.

тию политического кризиса. На Урале поражения русской армии, как и по стране в целом, вызвали изменение общественных настроений. Широкие слои населения уральского региона были обеспокоены перспективами войны, уже с июня 1915 г. зазвучали призывы к мобилизации «всех живых общественных сил», стали проявляться новые политические требования и тенденции в общественных представлениях по проблемам войны и мира. В качестве политических условий мобилизации либеральная и демократическая общественность выдвигали требования ликвидации засилья бюрократии, взаимодействия Государственной думы и правительства, создания ответственного перед Государственной думой министерства или министерства «общественного доверия», привлечения к сотрудничеству «всех живых общественных сил». Об этом говорили в своих выступлениях кадеты, земские деятели на заседаниях городских дум, военно-промышленных комитетов, общественных благотворительных организаций, эти идеи ежедневно проводила на своих страницах либеральная и демократическая пресса.

Так, например, лидер уральских кадетов Л. А. Кроль на общем собрании Уральского областного Военно-промышленного комитета (далее – ВПК) 16 января 1916 г. выступил против Уральского Горнозаводского комитета, находившегося в Петрограде, т.к. «он преследует цели и интересы промышленников, а не интересы обороны». Только введение в состав ВПК общественных элементов, по мнению Л. А. Кроля, способно было обеспечить беспристрастное, а не «узкокласовое», ведение ими дел в интересах обороны страны²⁹.

На заседании Уфимской городской Думы 14 июля 1915 г. по предложению гласного Н. Н. Быховского, редактора газеты «Уфимский вестник», была принята резолюция о необходимости создания ответственного перед Государственной Думой правительства, обеспечения правовых гарантий общественной самостоятельности, отмены чрезвычайной охраны в стране. Это решение мотивировалось в резолюции тем, что «только объединение широких демократических слоев населения и мобилизация всех народных сил обеспечит победу». Выступая против сохранения чрезвычайной охраны, Н. Н. Быховский заявил: «Полная самостоятельность, какая нужна при нынешних условиях, не может проявиться, пока права общества, права учреждений и права отдельных лиц ограничены и стеснены»; в противном случае, по мнению оратора, это «мобилизация лишь цензовиков, а не всех живых сил страны»³⁰. Примечательно, что данная резолюция была опубликована в газете «Уфимская жизнь», что давало дополнительный импульс оппозиционным и критическим настроениям.

Важное значение для успеха мобилизации частной промышленности и обеспечения классового мира имело участие рабочих в деятельности ВПК. Социалистические партии и под их влиянием рабочие использовали выборы в ВПК для выдвижения политических требований к правительству. Особенно отчетливо это проявилось во время выборов рабочей группы ЦВПК, происходило в массовом порядке на фабриках и заводах при выборах в местные ВПК, в том числе на Урале.

²⁹ Уральская жизнь. 1916. 16 января.

³⁰ Уфимская жизнь. 1915. 17 июля.

Показательным в оценке настроений рабочих по отношению к войне было проведение на Урале в июле 1915 – июне 1916 гг. (в разных губерниях в разные сроки) выборов в рабочие группы ВПК. В них приняли участие 35% рабочих Урала. Бойкотистская тактика большевиков, получившая значительное распространение на Урале, граничила с фальсификацией воли рабочих. Суть ее, по свидетельству самих большевиков, состояла в замалчивании намерения бойкотировать выборы на их первом этапе, активном участии в собраниях по выдвижению выборщиков, проведении своих кандидатов и срыве их голосами выборов на решающем, втором этапе³¹. Косвенное свидетельство этого мы находим и в «Открытом письме» председателя рабочей группы Уральского областного ВПК Л. Кроля, где говорилось о расколе в рядах уральских социалистов в вопросе об участии рабочих в выборах, отражающемся на их результатах, а также о *неразборчивости большевиков в средствах борьбы* (курсив мой. – О. И.) против военно-промышленных комитетов³².

Требования автономии и самоорганизации уральских рабочих как условий вхождения в ВПК были сформулированы на проходившем в июне 1916 г. съезде выборщиков от рабочих в Уральский областной ВПК по г. Екатеринбург и уезду. Наказ рабочей группы ЦВПК был дополнен на нем требованиями, включавшими в себя автономию рабочей группы в составе ВПК, созыв съезда Уральских рабочих (независимо от вопроса о созыве Всероссийского рабочего съезда) и др. Эти проблемы планировалось обсудить 3–5 июля 1916 г. на областном съезде представителей ВПК и Земгора Пермской, Вятской, Оренбургской, Тобольской губерний и Тургайской области. Однако постановка вопросов о созыве рабочего съезда, организации примирительных камер, создании Рабочего союза была запрещена полицией на том основании, что они не входят в компетенцию ВПК и нарушают закон об их учреждении³³.

Эволюция общественных настроений уральских рабочих, произошедшая летом 1915 – осенью 1916 г., нашла отражение в полицейских информационно-аналитических документах. В отчете по Уфимской губернии говорилось: «Высокопатриотичное настроение рабочих и крестьян, наблюдавшееся в первый период (до оставления нашими войсками Перемышля), под влиянием неудачных операций наших войск перешло в подавленное состояние». В отчете отмечается, что интерес рабочих к военным событиям почти остыл, настроение рабочих почти безразличное, но, несмотря на все тяготы войны, разговоров о необходимости ее прекращения нет»³⁴. Во отчетах уездных полицейских управлений Вятской губернии отмечалось, что поворота настроений к миру, который мыслился бы без окончательной победы над врагом, не замечается (до октября 1916 г.), фиксировалась устойчивая враждебность рабочих по отношению к лицам, носящим немецкие

³¹ Воробьев В. Перед рассветом. (Воспоминания). Л., 1925. С. 61–63.

³² РГВИА. Ф. 369. Оп. 9. Д. 6. Л. 120–121.

³³ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО) Ф. 181. Оп. 1 Д. 1. Л. 50.

³⁴ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (далее – ЦГИАРБ). Ф. И-187. Оп. 1. Д. 551. Л. 76, 89.

фамилии³⁵. В отчете по Пермской губернии говорилось, что отношение рабочих к войне спокойное, стремления к миру любой ценой не проявляется³⁶. В отчетах Департамента полиции МВД о настроениях населения и рабочем движении в Оренбургской губернии за вторую половину 1915 – 1916 гг. также указывается на отсутствие антивоенных настроений среди рабочих, стремления их к миру без победы над Германией³⁷.

В полицейских сводках приводились отдельные антивоенные высказывания рабочих: «Среди рабочих, – отмечал начальник Уфимского губернского жандармского управления, – можно слышать такие фразы: «кто бы ни победил, все равно рабочему жить лучше, чем сейчас, не будет»³⁸. В рапорте уездного исправника начальнику Вятского губернского жандармского управления за ноябрь 1915 г. говорилось: «Очень немногие из сознательных рабочих-пессимистов развивают такой взгляд (под впечатлением последних неудач на войне): правительство хочет свалить неудачи войны на рабочие массы, для чего провоцирует рабочих в глазах общества, а затяжная война – это только истребление рабочего класса и крестьянских масс»³⁹.

К осени 1915 г. на Урале в полной мере проявился продовольственный кризис, ставший серьезным фактором дестабилизации социально-экономической и политической ситуации. Причинами его были неэффективность государственной продовольственной политики, попыток централизованного регулирования хозяйственной жизни; разрушение частнохозяйственного аппарата, традиционно обслуживавшего товарообмен между городом и деревней и накопившего в этом деле немалый опыт; дестимулирующее влияние на деревенских производителей фиксации цен на сельскохозяйственную продукцию; расстройство железнодорожного транспорта; отсутствие в распоряжении правительства товарного фонда, который можно было бы направить в деревню в обмен на хлеб; спекулятивные махинации хлеботорговцев и банков.

На Урале перебои в снабжении городов и заводских поселков основными продуктами питания (мукой, сахаром, крупчаткой) и прогрессирующая дороговизна вызвали волну продовольственных беспорядков в августе–декабре 1915 г. в Нижнем Тагиле, Челябинске, Каменске, Камышлове и других местах. Всего в 1915 г. только в Пермской губернии произошло 19 продовольственных волнений, сопровождавшихся разгромом лавок, магазинов, стычками с полицией и войсками. Социальная напряженность, вызванная ростом цен и дефицитом продовольствия, особенно усилилась в регионе к весне 1916 г. Крупные продовольственные беспорядки произошли 2–3 мая 1916 г. в г. Оренбурге, в июле 1916 г. – на Воткинском заводе, в августе 1916 г. – в Нижнем Тагиле, Сылве, Нейво-Рудянске, в

³⁵ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1596. Л. 10–204.

³⁶ ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3, 8, 16, 18–19, 21, 23; Д. 2 Л. 77; ГАРФ. Ф. 102. ДП 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 50. Ч. 2.

³⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 47. Ч. 2; Д. 108. Ч. 47. Оп. 125. 1916 г. Д. 47. Ч. 2.

³⁸ ЦГИАРБ. Ф. И-187. Оп. 1 Д. 551. Л. 89.

³⁹ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1596. Л. 28.

сентябре 1916 г. – в Кунгуре. В 1916 г. в Пермской и Уфимской губерниях было 37 продовольственных волнений⁴⁰. С ноября 1915 г. в жандармских донесениях по всем четырем уральским губерниям стало отмечаться влияние дороговизны на настроения населения, которое почти повсеместно характеризовалось как «возбужденное», «напряженное», «нервное». В одном из таких рапортов (Камышловского уездного исправника Пермскому губернатору от 5 апреля 1916 г.) говорилось: «Дороговизна жизни все сильнее дает о себе чувствовать, потребитель становится все больше и больше к лицу нужды и невольно ставит вопрос: «что же будет дальше?»⁴¹. В циркуляре Департамента полиции от 9 января 1916 г. указывалось на дороговизну как главную угрозу политической стабильности и почву антивоенной пропаганды: «Ни военные неудачи, ни революционная агитация не оказывают серьезного влияния; революционеры, а также сторонники Германии пытаются вызвать недовольство и протест против войны путем голода и чрезмерной дороговизны»⁴².

Социалистическая и демократическая пресса, устная революционная пропаганда обвиняли в дороговизне торговцев и промышленников: «Стремление промышленников идти на любые жертвы ради Отечества было непродолжительным... Обвинение в спекуляции всей российской промышленности можно считать доказанным», – писала в октябре 1915 г. газета «Уральская жизнь»⁴³. «Благородные» хозяева и именитое купечество, одной рукой жертвуя и афишируя свой «патриотизм» и «народолюбие», другой тщательно запирают в амбарах запасы жизненных продуктов, рассчитывая на повышение цен и легкую наживу за счет тех, кто несет главное бремя войны», – утверждала в декабре 1915 г. другая демократическая газета – «Пермская жизнь»⁴⁴.

Под влиянием экономических трудностей весной 1915 г. начался рост забастовок рабочих на экономической почве. Всего в 1915 г. на Урале было 39 забастовок, которые имели экономический характер. Несмотря на усиление репрессивных мер в 1916 г. число забастовок возросло до 69. Забастовки в 1916 г. отличались большей наступательностью и упорством, чем в 1915 г. (что в условиях работы на оборону являлось симптомом спада оборонческих настроений). В циркуляре Департамента полиции от 6 мая 1916 г. говорилось, что, хотя требованиям рабочих Урала придается экономический характер, «агитация ведется на политической подкладке и, как усматривается из распространяемых прокламаций, направлена к внушению рабочим мысли о необходимости прекращения войны»⁴⁵.

⁴⁰ ГАРФ Ф. 102. ДП. 4-е Д-во. Оп. 124. 1915 г. Д. 47. Ч. 3. Л. 1; Оп. 125. 1916 г. Д. 50. Ч. 3. Л. 8, 11–12, 16; РГВИА. Ф. 1720. Оп. 7. Д. 231. Л. 2–26, 32–33, 48–49, 97–99; ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 148. Л. 260, 288, 294, 300–301; История Урала. Пермь, 1976. Т. 1. С. 346.

⁴¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 333. Л. 50.

⁴² ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1. Л. 235.

⁴³ Уральская жизнь. 1915. 18 октября.

⁴⁴ Пермская жизнь. 1915. 12 декабря.

⁴⁵ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДО-ОСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 20. Л. 89.

С конца 1915 г., как отмечают жандармские источники, среди крестьян начали разрастаться «толки о мире», которые усилились в 1916 г.⁴⁶ Стремление к миру, которое обозначилось у крестьянства на рубеже 1915–1916 гг., можно объяснить действием двух факторов: затягиванием войны, которая требовала все новых и новых жертв, а, следовательно, потерь родных и близких, а также постепенным упадком крестьянских хозяйств, трудностями их ведения в условиях войны. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. в армию было мобилизовано 49,1% трудоспособных мужчин Вятской губернии, 49,6% – Оренбургской, 36,8% – Пермской и 44,8% – Уфимской⁴⁷. «Толки о мире» возникали среди крестьян, как правило, в период подготовки и проведения очередных полевых работ, а также во время призывов, особенно в периоды повторных мобилизаций и досрочных призывов. В рапорте начальника Вятского губернского жандармского управления в МВД от 22 января 1916 г., например, отмечалось, что «поворота к миру в общем не замечается, хотя толки о нем среди крестьянского населения приходится слышать чаще, чем в прежнее время»⁴⁸. С победоносным исходом войны крестьяне связывали решение земельного вопроса, особенно в Вятской и Уфимской губерниях, где он был наиболее острым.

Новые тенденции в представлениях либерально-оппозиционных и революционно-социалистических групп о путях дальнейшего успешного введения войны проявлялись на Урале на фоне стабилизации патриотических, оборонческих настроений значительных групп населения. Расширялась гражданская деятельность земцев, педагогического, врачебного персонала, инженерно-технической, научной, художественной интеллигенции, студенчества. Интеллигенция проявляла инициативы просветительского характера, направленные на патриотическую мобилизацию общества⁴⁹. Городские слои, вовлеченные в сферу благотворительной и общественной деятельности, проявляли гражданскую активность, направленную на решение социальных проблем, оказание разнообразной помощи жертвам войны.

Важным этапом в эволюции общественной ситуации и настроений жителей Урала стала осень 1916 – февраль 1917 гг. Обострение противоречий и кризиса в «верхах», усиление деструктивных явлений в хозяйственной жизни страны и региона, срывы в продовольственном обеспечении городов и заводских поселков стали теми обстоятельствами, которые обусловили качественный поворот общественных настроений. Немаловажным обстоятельством, определившим изменение ситуации, было то, что со второй половины 1916 г. окончательно развеялись надежды обеих воюющих сторон на скорое завершение войны. Стало осознаваться и то, что война не может вестись бесконечно: во всех участвующих в конфликте странах стала ощущаться нехватка ресурсов. В секретном докладе Петроградско-

⁴⁶ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1596. Л. 68, 84, 189–201.

⁴⁷ Россия в мировой войне 1914–1918 годы (в цифрах). М., 1925. С. 21.

⁴⁸ ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1596. Л. 84.

⁴⁹ ЦГИАРБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 551. Л. 89; ГАКО. Ф. 714. Оп. 1 Д. 1596. Л. 29; Уральская жизнь. 1915. 17 июля, 18 августа; Уфимская жизнь. 1915. 7, 22, 23 июля; Оренбургская жизнь. 1915. 10 июля; Оренбургская газета. 1915. 31 июля; Уфимская жизнь. 1915. 25 сентября.

го охранного отделения Особому отделу Департамента полиции в октябре 1916 г. так характеризовалась обстановка в стране: «Систематически нараставшее расстройство транспорта; безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразнейших отраслях торговой, промышленной и общественно-политической жизни страны; бессистемные и взаимно-противоречивые распоряжения представителей правительственной и местной администрации; недобросовестность второстепенных и низших агентов власти на местах и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, неимоверно прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столиц и крупных общественных центров... – все это, вместе взятое ... определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разрешиться в ту или иную сторону... Россия близка если не к революции, то, во всяком случае, к крупнейшим беспорядкам, могущим возникнуть повсеместно, если не будут приняты соответствующие предупредительные меры»⁵⁰.

На Урале в конце 1916 – начале 1917 гг. социально-экономическое положение было крайне тяжелым: промышленность в условиях недостатка сырья, топлива и фуража работала с перебоями. Военные перевозки поглотили почти весь подвижной состав уральских железных дорог, нарушились связи с центром и с другими регионами; расстроилось продовольственное снабжение населения. Правительство решило обеспечивать Урал «даже преимущественно перед фронтом»⁵¹, однако изменить положение не удалось.

Из городов и заводов в этот период шли тревожные телеграммы об отсутствии продовольствия, голоде, чреватом взрывом народного возмущения. В рапорте пристава 420 стана Екатеринбургского уезда уездному жандармскому исправнику от 20 декабря 1916 г. сообщалось: «Для большинства населения запасов хлеба нет, если норма не будет увеличена, то в самом скором времени нужно ожидать среди населения серьезных волнений, ибо понятно, что при такой выдаче муки просуществовать невозможно»⁵². В телеграмме из Кушвы от 13 декабря 1916 г. говорилось: «Население, военнопленные, нижние чины, откомандированные для работы в заводах округа из воинских частей буквально голодают... Брожение недоедающих рабочих все возрастает, может ежеминутно перерасти в беспорядки»⁵³. В рапорте Екатеринбургского полицмейстера от 19 ноября 1916 г. сообщалось: «Приходится слышать, что настроение населения, в особенности среди рабочих, из-за дороговизны сгущается и надо ожидать неприятных результатов»⁵⁴.

---

⁵⁰ Доклад Петроградского охранного отделения Особому отделу Департамента полиции, октябрь 1916 г. // Политические партии и общество в России в 1914–1917 гг. Сб. док. М., 2000. С. 249.

⁵¹ Адамов В. В. Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967. С. 227.

⁵² ГАСО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 7. Л. 66.

⁵³ Там же. Л. 65.

⁵⁴ ГАПК. Ф. 214. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.

Министерская «чехарда», противостояние правительства и Государственной Думы, полицейские преследования Земского, Городского союзов и других общественных организаций, слухи об измене в высших эшелонах власти и поиске путей к сепаратному миру с Германией, власть «темных сил» с Г. Распутиным во главе – все эти темы на рубеже 1916–1917 гг. в разном объеме и интерпретации поднимались на страницах уральских газет. Если правые газеты официозного направления, как правило, ограничивались информационными сообщениями и видели «темные силы» в среде революционеров, «помогающих своей деятельностью немецким агентам», и германофилов, то либеральная и левая пресса развивали эти темы под «оппозиционным» углом зрения, прямо или косвенно обличая правительство, оказавшееся во власти «темных сил». В местных газетах в ноябре–декабре 1916 г. печатались материалы сессии Государственной Думы, в том числе яркие обличительные речи членов Прогрессивного блока П. Н. Милюкова, В. В. Шульгина, В. А. Маклакова, прямо поставивших вопрос о недееспособности верховной власти и обнародовавших обвинения в измене. Среди других была опубликована речь В. М. Пуришкевича, который призывал покончить с властью «темного мужика» – старца Г. Распутина. Все это накаляло общественную атмосферу, приближало фазу открытого противостояния власти и общества. Газета «Пермская жизнь» писала по поводу резолюции общедворянского съезда в декабре 1916 г.: «Даже объединенное дворянство вынесло приговор современной ситуации разрухи, власти “темных сил”, отсутствия доверия страны по отношению к правительству»⁵⁵. Газета «Оренбургское слово» 15 декабря 1916 г. в статье «Измененная Россия» констатировала: «Не разочарование утомило Россию, а сознание бессмысленности, неоправданности страданий. Россия страдает оттого, что какая-то великая бездарность распоряжалась ее судьбой, бездарность мощная и титаническая в своем умении обращать во зло то, что могло бы быть на пользу. Эта бездарность убила тот порыв, которым была охвачена Россия, и уголь пылающий сумела превратить в золу»⁵⁶. В статье «Житие “старца” Григория Распутина» эта же газета писала об источниках власти «темных сил»: «Искренне, по темному невежественному консерватизму полудикого шамана, но, главным образом, угрожающая взглядам и вкусам ласкающих его деспотических слоев общества, Распутин упорно тянул жизнь страны назад и назад, в темноту допетровской Руси»⁵⁷, обличая таким образом самые верхние этажи властной пирамиды.

Либеральные круги цензового общества Урала, интеллигенция, социалисты – сторонники войны до победы, пришли в этот период под влиянием общей ситуации в стране и военных поражений на фронте к выводу, что Россия, в ее тогдашнем состоянии, при существовавшей власти, довести войну до победного конца не сможет.

Конец 1916 г. ознаменовался поворотом в массовой психологии, настроениях значительной части населения, прежде всего рабочих, крестьян и солдат, сутью ко-

⁵⁵ Пермская жизнь, 1916, 6 декабря.

⁵⁶ Оренбургское слово, 1916. 15 декабря.

⁵⁷ Оренбургское слово, 1917. 1 января.

торого было начало стихийного стремления к миру. Поворот настроений в пользу мира определенно наметился на рубеже 1916–1917 гг. среди рабочих Урала. В обращении рабочей группы при Уральском областном ВПК к общему собранию Военно-промышленного комитета от 3 января 1917 г. говорилось: «Существует мнение, что мира хотят те, кто не понимает, чего требуют интересы России. Какой России, России народной, России имущей или России официальной? О чем заботятся те, кто требует продолжения войны? ...Ошибка, будто мира хочет небольшая часть общества, мир нужен всему народу. Спросите всех, спросите каждого – ответ один... Господа говорят о Галиции, говорят об Армении. Народу они не нужны. Наш Константинополь – это русский парламент, созданный путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования»⁵⁸. Недовольство затянувшейся войной стало проявляться на рубеже 1916–1917 гг. и у крестьянства. Оно выражалось прежде всего в форме продовольственных волнений, которые начались в уральской деревне осенью 1916 г. и в рассматриваемый период приобрели массовый характер.

Таким образом, рубеж 1916–1917 гг. стал критическим этапом в дезорганизации хозяйственной жизни региона и росте апатии и разочарования в тылу. Невозможность скорого победоносного завершения войны стала очевидной как для его сторонников, так и противников, что явилось определяющим фактором эволюции общественной ситуации и массовых настроений. В то время как право-консервативные, либерально-буржуазные, реформистско-демократические общественные круги сохранили приверженность идее войны до победного конца, в настроениях рабочих и крестьян наметился перелом, выразившийся в стихийном стремлении к справедливому миру, усиливавшемся под влиянием леворадикальной пропаганды. Начиная со второго года войны глубокие социальные противоречия, присущие российскому обществу, стали вновь обостряться. Приоритетными для большинства населения: крестьян, рабочих, малоимущих слоев в городах постепенно стали проблемы повседневного существования, социальные, а не национальные или государственные интересы. В массовых настроениях стал проявляться социально-психологический кризис доверия к власти и имущим верхам. Последний был вызван несоответствием воспринимаемой реальности представлениям широких слоев населения о справедливом распределении тягот войны, должном поведении «верхов» в военных условиях, дискредитацией правящей монархии. Власть и общество прошли путь от единения и сотрудничества к конфронтации, завершившейся свержением монархии и ликвидацией традиционной российской государственности в ходе Февральской революции 1917 г.

---

⁵⁸ Рабочий класс Урала в годы войны и революций. В документах и материалах. Свердловск, 1927. Т. 1. С. 346–349.